

Алексей Смирнов

Иван Цветаев. История жизни (фрагмент книги)

О рыцарстве

Говоря о воздухе дома в Трехпрудном, Марина назвала его не интеллигентским – рыцарским. А что может быть важнее духовной атмосферы, которая задается хозяином дома, поддерживается хозяйкой, формирует внутренний мир детей? Представление о рыцарственности настолько вытеснено из современной жизни, что требует экскурса в свою историю.

Глядя на сутуловатого, склонного к полноте господина в перелицованном костюме, в сморщенных сапожках со стесанными вкось каблучками, бредущего Трехпрудным переулком, всегда погруженного в свои мысли и потому часто попадающего в натуральные и фигуральные выбоины обыденной жизни, краснеющего от смущения, когда к нему обращаются с чувством превосходства или, напротив, с чрезмерным пиететом, вы вряд ли догадаетесь, что перед вами редчайший для России тип мужественности – тип нежного рыцаря, тем более необычайный, что и суровая рыцарственность была на Руси в диковинку.

Классическое рыцарство выковывалось не здесь – в братоубийственных сечах и вероломстве князей, а в феодальных войнах средневековой Европы. Его ареал, утвердив свой западный форпост – Британию, устремился на восток, заставляя французских шевалье выхватывать из ножен узкие шпаги, осаженные в рукоять, германских баронов – срочно седлать забранных доспехами коней, а рыцарей Чехии – вздымать над Влтавою лес высоких копий. Но восточней Польши ареал не распространился. Рыцарства как такового Россия не знала никогда. Она знала смерть, знала князя, знала царя. Но она не знала рыцаря. Рыцарство как социальный институт, миновав Россию, осталось привилегией западного мира, чтобы в свой черед сойти с исторической сцены с появлением огнестрельного оружия и регулярных армий. Ры-

царь – воин коня и копья (Дон Кихот на Росинанте), но не пешеход с винтовкой; всадник поединка, но не стрелок из окопа; боец, удлиняющий руку копьем, но не артиллерист, достающий своим оружием врага за десятки верст. Русское рыцарство, как позднейший всплеск угасшего явления, стало формироваться в битвах Отечественной войны 12-го года, однако жизнь стремительно опрощалась – и тем стремительней, чем смертоносней становилось оружие. Поединок двух всадников, вызвавший к их личной смелости, ловкости, силе, самообладанию, сменился «поединком» всадника со снарядом, выпущенным из недосягаемо далекого орудия. Человек на войне все более и более становился зависимым от разрушительной силы огня. Пушка сделалась главней человека. Появилось выражение – орудийная прислуга. Есть барыня – Пушка, а при ней – слуги. Место рыцарей на поле боя заняла прислуга.

Через триста лет после своего реального исхода – на рубеже XIX–XX веков – в сознании европейца рыцарство ассоциировалось уже не столько с Крестовыми походами и воинской отвагой, сколько с любой доблестью, основанной на непреложном кодексе чести. Стали говорить о рыцарях науки, о рыцарях поэзии... Понятие приобрело символический смысл. Каким был каждый средневековый рыцарь, уже никто не помнил, но все помнили, каким он должен был быть; каким он хотел, чтобы его видели; какой образ внушил он потомкам.

Когда мы думаем о рыцарском отношении к делу, о рыцарском отношении к женщине, то прежде всего имеем в виду два качества мужества: самоотверженность и благородство. В.И. Даль толкует понятие «рыцарь» как «честный и твердый ратователь за какое-либо дело, самоотвер-

Иван Владимирович Цветаев в мундире почетного опекуна Московского присутствия Опекунского совета Ведомства императрицы Марии. 1913

женный заступник»¹. На первом плане уже не словенная принадлежность (вассал сеньора), не род войск (кавалерия), а персональные свойства духа: честность, твердость, самоотверженность. На русской почве в какой-то мере именно эти качества культивировались в той среде, которую представлял профессор Цветаев, – в среде интеллигенции. Однако здесь они были заметно смягчены сугубо мирным характером ее деятельности (ученые, священники, врачи, педагоги, художники, артисты) и размягчающей славянской душевностью. В отличие от западного интеллектуала, русский

интеллигент предстал не только образованным умником, способным к рассудочному действию, но умником, непременно поверяющим свои шаги чутким душевным бдением. При этом ему часто не хватало твердости духа. Отсюда представление о рефлексующем интеллигенте, по-женски нерешительном, робком. Он честен и чист, но склонность к несбыточным мечтаниям и недостаток воли, постоянные сомнения и неуверенность в правильности своих поступков не сосредотачивают его дух, а, наоборот, расплывают. У него нет одной четко очерченной цели. Целей всегда много, и они конкурируют до тех пор, пока не начинают расплываться, размываться... Здесь избыточная мягкость, как и чрезмерная «креативность», свидетельствует о внутренней слабости. Душевная тонкость не находит волевой поддержки. Нежность не поддерживается твердостью. Получивший женское воспитание барчук, с малолетства избалованный вниманием мамушек и нянюшек, так и несет в себе всю жизнь это размягчающее женское начало, странное в мужчине и далекое от того идеала мужества, который выработало средневековое рыцарство.

Внешние обстоятельства цветаевской судьбы, однако, не располагали к излишней изнеженности. Рано лишившись матери, Иван Владимирович прошел через бедное детство и юность, через суровый бурсацкий правед, через мутное мелководье постоянной нужды, прежде чем выбрался на большую воду – стал почетным профессором Болонского и профессором Московского университетов.

¹ Рыцарь // *Даль Вл.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1982. Т. IV. С. 119.

Но все эти испытания не огрубили его душу, а преисполнили ее состраданием и вместе с соприродной Цветаеву страстью к науке, к познанию, вместе с творческой самоотдачей выковали его дух. Он не обладал, пожалуй, ни одной из семи записных добродетелей образцового средневекового рыцаря. Вместо *верховой езды* изредка пользовался извозчиком, предпочитая роль пешехода. Вместо *фехтования* разве что манипулировал указкой на лекциях в университете. *Копьем* не владел. *Плавал* только в Оке возле берега. На *охоту* не ходил. В *шашки* не играл. *Сочинению и распеванию собственных стихов*, посвященных даме сердца, не предавался, хотя петь любил, но за отсутствием слуха вынужден был сдерживать свои вокальные порывы. И вместе с тем Цветаев был рыцарем по самой сути этого понятия – человеком, способным к самоотверженности и благородству, твердым ратователем за общее дело, мужественным заступником. Его славянская природа внесла свою нежность в западную суровость, привитую ему образованием, в свою очередь придавшую этой нежности внутреннюю силу самодисциплиной, обязательностью, чрезвычайной работоспособностью, точностью этических оценок. Он был мягким, но твердым. Конечно, не только он создавал Музей, но и Музей создавал его: такое число препятствий

пришлось превозмочь основателю, что дух его закалился в этом непрерывном преодолении. Дух закалился, а сердце надорвалось... Конечно, и его гениальная дочь своим отчеством, фамилией, сохраненной ею после замужества как литературный псевдоним, напоминала миру об отце. И если когда-то ее узнавали по нему, то потом его стали узнавать по ней. Между тем гениальность и рыцарство – разные воплощения духа, и одно не сводимо к другому. Гениальность есть попадание в цель, которую не видит никто. Сверхчувствительность внутри своего призвания. Рыцарство – желание бескорыстно положить душу за други своя, за общее дело. Одно не может заменить другого. Заменить – нет, но упрочить – да. Так, рыцарственность отца придала мужества дарованию дочери; помимо ранищей нежности наделила ее поэзию недоступной для женщины мужской мощью, позволила создать свой рубленый, метафорически насыщенный стиль, исполненный пронзительного пафоса, стиль-боец с прерывистым дыханием битвы.

«Был бы щит, начертала бы: “Ne daigne”»³.

«Девиз, мною найденный и которым счастлива и горда больше, чем всеми стихами вместе, Ne daigne – чего? Да ничего, что снижает (страха, выгоды, личной боли, житейских соображений – и сбережений)»⁴ – ничего, что унижает дух.

² Не снисхожу (фр.).

³ Цветаева М.И. Собр. соч.: В 7 т. Т. 4. М.: Эллис Лак, 1994. С. 624.

⁴ Марина Цветаева. Неизданное. Сводные тетради. М.: Эллис Лак, 1997. С. 338, 339.

Музей изящных искусств (ныне Государственный музей изобразительных искусств) в 1912 году. Фото К.А. Фишера

